

ОТКУДА ИДЕТ ПРОВИНЦИЯ

ЕСТЬ в Барнауле красивая улица — стремительная, широкая, вся в тополях. Улица главная, называется проспект Ленина. Говорят, летом она красива особенно.

Пройти ее, все пять километров, нужно время. Но это интересно, открывается город. Большой, разный, старый; и все-таки новый.

Новое здание строится для Политехнического института — светлое современное сооружение; украсит любую столицу. Ласковое название у магазина — «Огонек». В музее маленькая передвижная выставка Эрмитажа — живопись и скульптура, XV—XIX вв., Италия, Фландрия, Голландия, Франция.

На главной улице можно купить много книг. Труднее найти афиши. Их почти нет, только театральные. Краевой драматический театр чуть в стороне от главной улицы. Рядом с ним — Алтайская краевая филармония.

Если двигаться по проспекту Ленина вверх, выйдешь на Октябрьскую площадь. Отсюда можно попасть в промышленный район города, нужно только повернуть направо. Можно отправиться в Научно-исследовательский институт сельского хозяйства: поворачивай налево и — по Павловскому тракту.

Заводы, фабрики, институты алтайской столицы легко могут проиллюстрировать такие, например, важные понятия, как государственный размах (чего стоит один только комбинат искусственного волокна) и государственность мышления. С этой высокой меркой хочется подойти и к явлениям художественной жизни.

Скажем, где везде есть свой симфонический оркестр, не в каждом городе, не в каждой филармонии. Но если он есть — какая же это сила! Если он есть — в городе может и должна быть интересная, полноценная музыкальная жизнь.

В Барнауле ее практически нет, хотя оркестр существует. Я был свидетелем уникальной в своем роде релетиции мариаторского «Юпитера»... с одним пульсом первых скрипок.

— Если бы пять первых скрипок, хотя бы пять, симфонию можно было сыграть. Есть в городе небольшой зал, и акустика подходящая — прозвучало бы.

Сказал это главный дирижер Бруно Исидорович Берман, музыкант чуткий и опытный; сказал так, как говорят о давно задуманном и трудно осуществимом.

Каждый день собираются артисты оркестра в одной из комнат филармонии, тщательно и честно работают, что-то разучивают, но на людях показаться не могут: их слишком для этого мало. Есть оркестр и нет оркестра. Нет шести первых скрипок, двух вторых, нет концертмейстеров виолончелей, альтов, контрабасов, нет второго ударника.

Не всегда было так пусто. Были лучшие времена, и не особенно давно: музыканты снимали «комнаты», оркестр выступал более или менее регулярно, программы привлекали и содержательностью, и разнообразием. В городе привыкли к оркестру, полюбили его. В дни концертов «лишние билетники» страшились за два квартала.

Но хозяевам начинали надоедать музыканты, и начались заявления об уходе... Слушатели уже не первый месяц зноят в филармонию, спрашивают, почему концертов нет. Им отвечают: «Временно, скоро будут».

МОЖЕТ ВЕДЬ все быть иначе. В Томске, например, устоявшаяся, интересная музыкальная жизнь; питают ее и филармония и музыкальное училище. Симфонический оркестр Томской филармонии — коллектив уважаемый и любимый в городе. Выступают чуть ли не четырнадцать раз в месяц. Так что музыканты, если и огорчаются, то не тем, что сидят без дела, а тем, что устают и не успевают подготовить новые программы так быстро, как хотелось бы. В конце января, например, исполнялась Одинадцатая симфония Шостаковича, предостой Двенадцатая; «Классическая» Прокофьева, Четвертая симфония Дворжака.

Дружно работают два дирижера: главный — Леонид Осипович Волынский и совсем еще молодой Эдуард Густин, которого я слышал в концерте из произведений Бородина, Мусоргского и Чайковского. Думающий музыкант, увлеченный своим делом. В этом убедила хотя бы «Богатырская» симфония Бородина. Дирижер изменил в ней некоторые темповые соотношения, и в этом была своя логика, по-моему, не противоречащая замыслу композитора.

Зал городского лектория, в котором выступает оркестр, был полон. Слушали хорошо, да и что этому удивляться.

Не в том дело, что в университетском городе Томске культурные традиции прочнее, чем в Барнауле; по крайней мере не только в этом. Куда важнее самый подход к культуре.

Начальник Алтайского краевого управления культуры на вопрос: «Не думаете ли организовать хор академического плана?» порывисто ответил: «А что с ними делать, с академиками, они ведь о целие ничего рассказать не смогут!»

В Новосибирске я был на концерте Алтайского ансамбля песни и танца. Назвали его «Золотые колосья», на организацию потратили немало денег, заказывали костюмы в Москве, даже послали в гастрольную поездку по стране. А с чем? Надо совсем не знать, не понимать зрителя, чтобы показывать ему удивительно примитивные «проводы» и «встречи» целинников. Сидящих в зале пытались уверить, что ансамбль «в художественной форме» показывает тружеников совхоза «Золотой колос» (так написано в программе). А художественности-то и нет. Нет мысли, сценического образа, творческой искры. Такой рассказ о целине никому не нужен. Целинников он может только обидеть.

ЭТО трудно — разбудить в человеке художника, учить его красоте. Но это главное. Потому и возвращаешься все время к симфоническому оркестру, потому думаешь о хорошем хоре, который мог бы и классику пропагандировать, и новыми песнями радовать.

Сейчас уже незачем и некого пугать «недоступностью» большого искусства. Можно привести в пример звонки и письма из сел, где есть свои хорошие музыкальные школы, в Алтайскую краевую филармонию; они начинаются с просьбой прислать симфонический оркестр. Маленькая лекционная группа филармонии даже зимой пробирается на вездеходе в труднодоступные районы края, и в сельских клубах звучат Глинка, Даргомыжский. Все, что рассказывали мне участники этой группы — лектор Е. Анохина, концертмейстер М. Брусиловский, певцы Н. Пономаренко, Н. Осокин, Л. Протопопов, В. Колесников, — только лишний раз подтверждает, как тянутся люди к искусству.

И все-таки велика сила инерции — той глупой слепой инерции, которая сама идет от неглубокой культуры. Выражает она себя по-разному. Например, в «теории» двух искусств: для столицы и для провинции.

Один московский артист читал в редакции барнаульской газеты, куда его пригласили, стихи. Читал хорошо, в частности Маяковского. Ему искренне аплодировали. А потом услышали: «Ну, это так для вас. А на полевом стане я буду вот что читать...» И начал нечто беззубое, якобы на злобу дня — такое, что и стихами назвать нельзя. Он полагал, что настоящая поэзия на полевом стане «не пройдет».

Мне вспомнился этот эпизод, когда вместе с филармонической эстрадной группой «Веселый рейс» на крытом грузовике с печкой я приехал в деревню Шадрино. Зал клуба был почти полон.

Концерт начался. Первое отделение. Перерыв. Второе отделение... Концерт провалился, и, по-моему, не по вине слушателей. Они, конечно, люди суровые, артисты у них бывают редко, так что «вежливости», когда аплодируют просто так, для порядка, у них нет, а восхищаться было нечем. Не хочу переценить всю программу, в ней было несколько интересных номеров, но не они сделали погоду. Ее сделало общее настроение артистов. Они были искренне уверены, что их примут на «ура!». А все оказалось не так. Оказалось, что глупая, если не сказать больше, острота, в которой не обошлось без «хари» и «фи-ги с маслом», одна может отравить весь вечер; что неоригинальная разговорная сценка, к тому же еще плохо исполненная, тоже не поднимает настроения.

В Барнауле артисты возвращались грустные и недоумевающие.

— Так же нельзя работать, когда мертвый зал! Всякое желание пропадает. Какие уж тут тонкости, такого — и то не понимают.

Они считали, что попалась неудачная аудитория. Но дело-то в другом — в отношении артистов к своему зрителю: любят они его уж очень сострадательно, сверху вниз, и не видят, как он меняется. Это и есть провинция.

Я ДАЛЕК от мысли идеализировать аудиторию. Она слишком многочисленна, чтобы быть одинаковой. Никто не удивится, если узнает о двух, трех, десяти, тридцати, пусть даже сотне случаев, когда где-то не поняли настоящего и глубокого, предпочли ему мелкое и дешевое. Но ведь надо почувствовать тенденцию, уловить перелом в сознании людей, в их отношении к искусству, важный перелом.

Как часто мы забываем, что человек внутри всегда почти художник. Как мало мы еще доверяем этому внутреннему художественному чутью. А ведь именно оно решило судьбу эстрадного концерта в Шадрино. Куда честнее идти к людям с чем-то новым для них и для себя большим, интересным, сложным для них и для себя, нужным и необходимым для них и для себя!

«У нас не Москва, а для Барнаула сойдет». Я много раз слышал эти сло-

ва. «Сойдет» — и симфонический оркестр простаивает, большие музыканты наезжают не так уж часто, преподаватели музыкального училища все не соберутся выступить с сольными концертами. «Сойдет» — и колхозники выслушивают остроты с «харей». «Сойдет» — и в магазинах грампластинок продают одни эстрадные сочинения.

А музыку в городе любят. В одной молодой и совсем не музыкальной семье я слушал прелюдии Дебюсси и много других интересных записей, каждая из которых прислана откуда-то друзьями, родственниками, знакомыми.

ДЕВИЗ «Для Барнаула сойдет» воспринял и Алтайский краевой драматический театр, вольно или невольно развращая эстетические вкусы зрителя. Я видел там драматическую повесть А. Штейна «Океан». Одна женщина вполне серьезно сказала, что это пьеса о том, как «не нужно ходить на «восьмой километр». Я ужаснулся, а потом понял, что собеседница моя оказалась очень чутким зрителем и довольно точно определила пафос этого спектакля.

Как-то странно прочитали здесь пьесу; сместились акценты. Отношения Анечки, Платонова и Маши неожиданно приобрели не свойственную им многозначительность. Сцена на «восьмом километре» подана столь роскошно, с вином, цыганщиной, с разодетыми мешочками, что думать о действительно главных проблемах пьесы — долге, чести, честности и человечности — некогда.

Театру, наверное, кажется, что этакая бытовщина может привлечь зрителей. Привлечь и поразвлечь. Неужели всерьез считают, что на другое, «на мысли там всякие», на интеллектуальность, он, барнаульский зритель, не пойдет?

Ведь выдумали этого «среднего» зрителя. Никакой он не средний. Барнаул — город большой промышленности, город институтов. Здесь живут и работают люди высокой внутренней культуры. Конечно, им будет скучно, да и просто не по себе на спектакле, в котором большинство мизансцен строится подчеркнуто примитивно, а герои стараются все время выходить к рампе и говорить в зал. Даже тогда, когда это не только не следует из характера сценической ситуации, но грубо ей противоречит. В третьем акте старшина Задорнов мысленно пишет письмо матери, в котором рассказывает о своей жизни, о своем командире. Это внутренний монолог, и он должен произноситься очень лично. Театр решает сцену так: актер Н. Ярымов, интересный комедийный актер, выходит прямо к рампе, то с правой стороны, то с левой, и произносит текст «письма к матери» громко в зал, да так, чтобы посмешнее звучало, с ужимками, с паузами, которые специально рассчитаны на то, чтобы зал мог вволю посмеяться.

ОПЯТЬ, наверное, скажут: мы не Москва и т. д. и т. п.

Все-таки большая доля демагогии есть в этих разговорах. Что мешает вдумчиво относиться к своему делу? По-современному смотреть на искусство, на его великие задачи, овладеть его языком, постоянно обновляющимся и таким разнообразным, быть учителями жизни для своих зрителей. В этом Москва. И в этом должен быть Барнаул. Иначе провинциализм будет наступать. Не надо думать, что от него избавлены те же москвичи. Провинциализм — внетерриториальное явление, явление цепкое и отвратительное по сути. И если оно может жить, то оттого только, что люди, так или иначе связанные с искусством, культурой, по-настоящему не чувствуют современность, не всегда видят, какой он сегодня — советский человек.

Нелегко это. Куда легче душевно и творчески облениться, скатиться к ремесленничеству. Но в какой-то день (горький это будет день) вдруг заметишь, что очутился ты где-то далеко-далеко, только не впереди, а в стороне от нелегкой, но главной улицы жизни.

...Я все представляю себе проспект Ленина, главную улицу Барнаула, широкую, стремительную, всю в тополях. Красивая улица. Кажется, вместила она весь город. И новые жилые районы, и заводы, и институты.

Только затерялся где-то краевой театр и трудно заметить краевую филармонию...

А. ЗОЛОТОВ,

спец. корр. «Известий».

БАРНАУЛ — ТОМСК — МОСКВА.

22 ФЕВ 1962

Известия
г. Москва